

Л 12572

БЫЛОЕ

У ФИЛИАЛ

№ 12.

1918, КНИГА 6, ИЮНЬ.

**Юльская книга (№ 13) „Былого“ заканчивается
печатаніемъ.**

Предполагаемое содержаніе юльской книги: 1. **В. Г. Короленко** подъ надзоромъ департамента полиціи. 2. **В. Покровскаго**. 3. Програма перваго въ Россіи с.-д. кружка. 4. Далекое прошлое. Изъ воспоминаній стараго народовольца **В. Юхельсона**. 5. Скорбныя страницы Шлиссельбургской крѣпости. **Б. Николаевскаго**. 6. Въ январѣ и февралѣ 1917 г. Изъ донесеній секретныхъ агентовъ **А. Д. Протопопова**. 7. Молодость **Г. В. Плеханова**. Изъ воспоминаній **Л. Г. Дейча**. 8. **Г. В. Плехановъ** и III Отдѣленіе. **Л. К. Ильинскаго**. 9. Воспоминанія **А. М. Тургенева** съ предисловіемъ **Я. Л. Барскова**. 10. Орловскій Централь. **Юсифа Генкина**. 11. Казнь первомартовцевъ. Замѣтка очевидца **К. И. Новое о прошломъ**. **Б. Николаевскаго**.

СОДЕРЖАНІЕ 12-й книги.

Июнь 1918 г.

I. <i>Наканунъ октябрьскаго переворота. Вопросъ о войнѣ и мирѣ. Отчеты о секретныхъ засѣданіяхъ Временнаго Совѣта Россійской Республики . . . . .</i>	4
II. <i>Въ годы юности. За культуру. Воспоминанія И. М. Гревса. . . . .</i>	42
III. <i>Воспоминанія. Окончаніе. Часть II, гл. 5. Б. В. Савиннова. . . . .</i>	99
IV. <i>Въ Зимнемъ Дворцѣ 25—26 октября 1917 года. Изъ воспоминаній П. Н. Маляновича . . . . .</i>	112
V. <i>Изъ резолюцій Николая II-го . . . . .</i>	142
VI. <i>Обрътеніе мощей преп. Серафима Саровскаго. Изъ итоговъ перлюстраціи . . . . .</i>	148
VII. <i>Мирныя переговоры въ Портсмутѣ въ 1905 году. Дневникъ секретаря С. Ю. Витте И. Я. Норостовець . . . . .</i>	153
VIII. <i>Г. В. Плехановъ. А. Н. Потресова . . . . .</i>	183
IX. <i>М. Горькій. Матеріалы, собранныя департаментомъ полиціи, съ примѣчаніями М. Горькаго . . . . .</i>	193
X. <i>Новое о прошломъ. По тюрьмамъ и ссылкамъ. Б. Николаевскаго . . . . .</i>	200
XI. <i>Военные во время нашей первой революціи. Письмо въ редакцію Льва Дейча . . . . .</i>	215

Издательство „БЫЛОЕ“

Вышла въ свѣтъ новая книга

1 марта 1881 года

Статьи и изслѣдованія по новымъ, неопубликованнымъ матеріаламъ, посвященныя событію 1-го марта 1881 г.—убійству Александра II-го.

Ц. 8 р. 50 к.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Л 12572

~~СП. 14004~~

ВЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

У ФИЛИАЛ

№ 12.

1918, КНИГА 6, ЮНЬ.

116

Г. В. Плехановъ.

Смерть подвела итогъ жизни Георгія Валентиновича Плеханова. Но исторія своего итога этой жизни еще не подвела. Тѣмъ менѣе можемъ подвести его мы — его старые товарищи, ученики и единомышленники... Мы еще слишкомъ близки къ его жизни и еще слишкомъ обременены тѣми мелочами, которыя, подобно деревьямъ, заслоняющимъ лѣсъ, заслоняють отъ насъ его образъ въ цѣломъ, его фигуру во весь ея историческій ростъ. Намъ недостаетъ перспективы разстоянія, и нѣтъ у насъ того душевнаго равновѣсія, которое составляетъ силу изслѣдованія. Мы можемъ, поэтому, въ сокровищницу познанія Плеханова внести лишь нашу скромную лепту современника — свою долю размышленій о немъ, свое болѣе или менѣе суммарное о немъ впечатлѣнiе... Въ этомъ смыслѣ надо понимать и наши нижеслѣдующія строки...

Когда я думаю о Плехановѣ, мнѣ прежде всего мыслится его многогранность. Какой онъ широкій, разнообразный! Какъ огроменъ, — если можно такъ выразиться, — диапазонъ его работы, необъятенъ горизонтъ его вниманія. Попробуйте заключить его духовное „я“ въ скобки одной какой-либо формулы? Не войдетъ. Скобки окажутся сломанными, и неподатливое Плехановское содержимое ихъ перелысается черезъ край. Вотъ ужъ на что, казалось бы, самая подходящая скобка: Плехановъ — просвѣтитель, заключительное звено въ той цѣпи нашихъ русскихъ „просвѣтителей“, нашихъ вѣстниковъ Европы, которая скрѣплена именами Бѣлинскаго и Чернышевскаго. И вѣдь, самъ Плехановъ любилъ эту связь свою съ славными родоначальниками русской радикальной и социалистической интеллигенци. Недаромъ завѣщалъ онъ себя похоронить поближе къ могилѣ „неистоваго Виссаріона“ и недаромъ лежитъ онъ теперь подъ сѣнью тѣхъ же деревьевъ, которыя склоняють свои вѣтви надъ прахомъ замѣчательнѣйшаго изъ страсто-терпцевъ русской общественной мысли. И когда мы говоримъ: Плехановъ — марксистъ, развѣ не повторяемъ этой же мысли? Развѣ не утверждаемъ за нимъ его коренной роли посредника между ученіемъ такъ называемаго „научнаго социализма“ и злосчастной русской дѣйствительностью?

Да — просвѣтитель. Да — марксистъ. Но уже одно то, что Плехановъ одновременно и „просвѣтитель“ въ старорусскомъ смыслѣ этого слова, и марксистъ — социаль-демократъ въ современномъ европейскомъ пониманіи этихъ терминовъ, что на

немъ скрестились двѣ линіи развитія: сформировавшейся русской идейной и просвѣтительной традиціи и мирового социалистическаго рабочаго движенія, уже одно это подсказываетъ намъ все своеобразіе и всю огромность плехановской исторической миссіи. Уже одно это даетъ намъ понять несоизмѣримость плехановской миссіи съ функціей простаго посредничества или „ученичества“. Для того, чтобы сыграть историческую роль марксиста-просвѣтителя, Плеханову нужно было высоко подняться надъ уровнемъ, пусть, блестящей, но все же по преимуществу популяризаторской публицистики домарксистскаго періода. Нужно было уже не ограничиваться разсыпаніемъ отдѣльныхъ глубокихъ мыслей, мѣткихъ замѣчаній, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ широко могла бы, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, развернуться творческая дѣятельность Бѣлинскаго или Чернышевскаго, если бы на ней не тяготѣли пути безвременья. Нужно было и въ самомъ дѣлѣ свести западно-европейскую „идеологію“ на почву русской исторіи и изъ этой встрѣчи иноземной идеи и туземнаго факта получить, наконецъ, не механическую смѣсь, а органическое соединеніе, дающее плодотворное движеніе впередъ и европейскому сознанию, и русскому бытію. Найти это соединеніе идейной Европы съ нераспаханной цѣлиной Россіи не дано было ни одному изъ плеяды просвѣтителей, ни тѣмъ менѣе ближайшему предшественнику и антагонисту Плеханова—Николаю Константиновичу Михайловскому...

Они всѣ, эти просвѣтители, были, по своему, универсальны. Они всѣ, именно потому, что были просвѣтителями, до нѣкоторой степени, какъ царь Петръ, который, по слову поэта, былъ „то академикъ, то герой, то мореплаватель, то плотникъ“ на тронѣ Россіи,—должны были на отвѣтственномъ посту російскаго просвѣтительства быть, что называется, мастерами на всѣ руки и откликаться на самыя разнообразныя проблемы познанія. Но изъ этихъ ихъ откликовъ не вышло обобщающей мысли, рожденной отъ связи Европы съ Россіей, и только подъ рукою Плеханова, вооруженной методологіей Маркса, впервые выльзилась плодотворная концепція процесса освобожденія Россіи, совершенъ былъ переворотъ въ практикѣ революціоннаго движенія и, съ своей стороны, европейская теорія научнаго социализма, само ученіе Маркса, обогатилось рядомъ подлинныхъ завоеваній. Словомъ, впервые смычка русскаго и европейскаго развитія дала токъ научно-политическаго созиданія. Потому-ли, однако, что Плехановъ былъ выше своихъ предшественниковъ, значительнѣе и даровитѣе ихъ? Нисколько. Сказать такъ — значило бы сказать невѣрное и несправедливое слово по отношенію къ русскому „просвѣтительству“. Плехановъ былъ правъ, когда говорилъ о гениальности Бѣлинскаго или когда своими изслѣдованіями утверждалъ великую цѣнность ума Николая Гавриловича Чернышевскаго. Удалось же Плеханову то, что не удавалось другимъ просвѣтителямъ, исключительно потому, что ему посчастливилось начать свою литературно-политическую работу въ ту

эпоху Россіи, когда въ ея историческомъ развитіи уже намѣтился рѣшающій сдвигъ, и созрѣваніе новыхъ общественныхъ силъ уже позволило такому тонкому наблюдателю, какъ Плехановъ, уловить это новое и тѣмъ перекинуть мостъ между Европой и Россіей, — мостъ, построенный изъ накопившагося матеріала окружавшей Плеханова жизни.

Удача Плеханова была удачей продвинувшейся достаточно далеко европеизаціи Россіи. Удача, къ тому же стократно приумноженная тѣмъ, что и сама Европа время Плеханова оказалась куда болѣе способной помочь изслѣдователю и политическому дѣятелю въ познаніи и приобщеніи Россіи къ поступательному ходу Европы, чѣмъ Европа первой половины XIX вѣка или только что пережившая 48-й годъ и крушеніе его революціи, словомъ, чѣмъ Европа — современница основного ядра нашего русскаго „просвѣтительства“...

Но такое объясненіе удачи Плеханова, само собою разумѣется, ни въ малой мѣрѣ не думаетъ посягать на заслугу, во истину, титанической работы, совершенной Плехановымъ, на размѣры его историческаго дѣла. Оно только пытается приложить и къ явленію Плеханова въ жизни Россіи тотъ же методъ, которымъ самъ Плехановъ, — вслѣдъ за своимъ учителемъ Марксомъ, — оперировалъ надъ школою общественности. Оно только хочетъ и его, — Плеханова, — творчество, какъ и всякое „сознаніе“, вывести изъ „бытія“. Оно только хочетъ и подъ эту идеологическую „надстройку“ подвести „фундаментъ“ въ видѣ процесса историческаго развитія Россіи.

Оно хочетъ только сказать: по условіямъ своего времени Плехановъ могъ сдѣлать то, чего, по условіямъ ихъ времени, — его предшественники-просвѣтителіи сдѣлать не имѣли возможности. Но оно не хочетъ утверждать, что дѣло Плеханова далось ему безъ большого труда, безъ великой борьбы. Нѣтъ, пишущій эти строки слишкомъ хорошо еще помнить Плеханова того періода, когда кругъ его единомышленниковъ исчислялся чуть не единицами и когда Плеханову въ его работѣ ломки утвердившихся понятій противостоялъ единымъ фронтомъ враждебный ему міръ социалистовъ Россіи, не желавшихъ порывать съ традиціей, уже отвергаемой жизнью. И требовалось, по истинѣ, исключительное мужество, то держаніе, которое всегда было присуще Плеханову, и тогда, когда онъ одинъ-одинешенекъ боролся противъ Желябова на воронежскомъ съѣздѣ 1879 года и демонстративно покидалъ этотъ съѣздъ въ предвидѣніи роковаго исхода принятаго съѣздомъ рѣшенія, и тогда, когда онъ съ 1914 года поднялъ знамя бунта противъ того властнаго настроенія момента, которое загодя давало уже предвкушать максимализмъ революціи 1917 г... Требовалось, повторяю, исключительное мужество, чтобы въ тѣ годы безвременья и еще продолжающагося господства старыхъ идей взвалить на свои плечи подлинную революцію революціоннаго сознанія Россіи... Не даромъ за то имя Плеханова въ это время — въ 80-хъ годахъ и въ самомъ началѣ 90-хъ было — почти такъ же одіозно въ кругахъ социалисти-

ческой интеллигенціи, какимъ оно сдѣлалось опять много позже, въ нашу эпоху войны и революціи. Но натура Плеханова была натурой бойца: она извлекала искру вдохновенія, она зажигалась творчествомъ больше всего подъ ударами противниковъ и враговъ и не случайно, поэтому, что какъ разъ годы неустановившагося еще авторитета марксистскихъ идей въ Россіи, годы отщепенства и борьбы, были въ то же время и годами плехановскихъ „бури и натиска“, когда увидѣли свѣтъ всѣ тѣ его труды, въ которыхъ наиболѣе дала себя знать его революціонизирующая сознаніе дѣятельность.

Несомнѣнно, напряженность плехановскаго творчества достигла своей максимальной высоты, своей точки кипѣнія, именно тогда, въ это первое десятилѣтіе его „марксизма“, когда Плеханову приходилось рубить во всѣ стороны густую чащу пережившихъ себя предрасудковъ. Этотъ первый періодъ начинается брошюрами „Соціализмъ и политическая борьба“ (1883 г.) и „Наши разногласія“ (1884 г.) и примѣрно заканчивается его „легальными“ статьями и книгами 90-хъ годовъ, въ особенности же его знаменитымъ памфлетомъ Бельтова „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ (1894 г.).

Въ сущности, въ эти десять—пятнадцать лѣтъ, когда Плехановъ шелъ войной на установившееся общественное мнѣніе россійской демократіи, имъ начертаны всѣ его главные тезисы и произведена основная работа по расцѣнкѣ и переоцѣнкѣ русской экономической дѣйствительности и движущихъ силъ русскаго общественно-политическаго развитія. Съ боемъ, въ доспѣхахъ рѣзкой полемики, вступила новая идеологія въ жизнь, своей воинственностью какъ бы документируя всю глубину пропасти, залегшей между ней и тѣми взглядами, которыми она приходила на смѣну... И въ самомъ дѣлѣ, глубока была пропасть, великъ былъ скачекъ, который должна была продѣлать русская общественная мысль. Ничего подобнаго той работѣ, которую совершилъ за эти годы Плехановъ надъ экономикой и политикой Россіи, не выпадало на долю ни одного изъ публицистовъ-мыслителей предыдущихъ поколѣній. Смѣшно и сравнивать въ этомъ смыслѣ Плеханова съ кѣмъ бы то ни было изъ его предшественниковъ. Эта работа буквально ставила вверхъ дномъ привычныя понятія. Догмату о невозможности развитія капитализма въ Россіи она противопоставила фактъ уже имѣющагося на лицо нарастанія россійскаго капитализма. Идеѣ гибельности капиталистическаго, европейскаго пути — идеѣ спасительнаго для Россіи, прогрессивнаго значенія каждаго шага впередъ по направленію этого пути... И соответственно этому мѣнялась радикально диспозиція силъ, съ которой оперировало до тѣхъ поръ революціонное движеніе Россіи: крестьянство Россіи совсѣмъ не социалистично, какъ до того утверждало міросозерцаніе народниковъ, и нервъ прогресса Россіи проходитъ не черезъ это крестьянство, не черезъ общинную деревню, а черезъ растущее насчетъ притока силъ изъ деревни городское населеніе и въ особенности—городской

рабочій классъ. Пролетаріатъ—вотъ призванный исторіей социалистъ и вотъ та революціонная сила, которая способна стать позвоночникомъ процесса освобожденія Россіи изъ-подъ гнета царизма... Но означаетъ ли это раскрѣпощеніе Россіи социалистическую революцію? Ни въ малой мѣрѣ. Освобожденіе Россіи, совершаемое при самомъ дѣятельномъ, при центральномъ участіи пролетаріата, есть лишь превращеніе полуазиатской страны въ страну европейскаго, конституціоннаго правопорядка, есть подлинная буржуазная революція, осуществляемая силами не одного лишь рабочаго класса, но рабочаго класса вмѣстѣ съ передовыми элементами буржуазнаго общества... Такъ новая концепція экономическаго развитія Россіи, точка зрѣнія признанія прогрессивной роли въ ней капитализма приводила къ политическому перевороту въ представленіяхъ социалистовъ о характерѣ предстоящей имъ дѣятельности и о взаимоотношеніи общественныхъ элементовъ, участвующихъ въ освободительной борьбѣ. Политическая борьба, борьба за демократическую конституцію Россіи не только не идетъ вразрѣзъ съ задачами и цѣлями социалистическихъ партій, не только не враждебна социализму, но наоборотъ, есть необходимая предпосылка для успѣшной социалистической работы въ дальнѣйшемъ, есть обязательный этапъ, черезъ который должна пройти страна на далекомъ пути къ социализму. И потому нецѣлесообразна, вредна та изоляція революціонно-социалистическихъ партій и группъ, которая являлась характерной чертой нашей русской общественности. Социалисты должны умѣть не только противопоставлять себя либераламъ и всему буржуазному обществу, но и находить съ ними общее дѣло и, творя это общее дѣло, толкать впередъ либераловъ, вести за собою буржуазію. Передъ социалистами и передъ либералами ставится единая общегосударственная, національная задача, и социалистическая идеологія впервые въ Россіи даетъ устами Плеханова обоснованіе всенародному, національному движенію. Впервые перекидывается мостъ между буржуазной и социалистической Россіей—безъ малѣйшей попытки, однако, затушевыванія отличныхъ у каждой изъ этихъ частей интересовъ. Ихъ совмѣстное дѣйствіе вставлено въ историческую рамку, вдвинуто въ перспективу той эпохи національно-государственнаго строительства, которую переживаетъ Россія. Вотъ законченный кругъ идей, который уже данъ въ этотъ первый періодъ Плехановской дѣятельности. Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ то положительное содержаніе, которое скрывалось за безпощадностью отрицанія, развѣчавшаго столь многихъ представителей тогда господствовавшаго направленія...

Плехановъ почти одинъ, безъ чьей-либо существенной помощи, произвелъ эту гигантскую работу разрушенія и возсозданія на новыхъ основаніяхъ революціонной идеологіи. Можно только удивляться, когда бросаешь теперь ретроспективный взглядъ на исторію того времени, тому, до какой степени все главное, что нужно было сдѣлать при этомъ переломѣ общественной мысли отъ народничества къ марксизму,

сдѣлано было силами одного человѣка, и до какой степени всѣ остальные сподвижники Плеханова по борьбѣ съ народничествомъ лишь повторяли въ цѣломъ и въ подробностяхъ—своего блистательнаго единомышленника. Весь, такъ называемый, легальный марксизмъ 90-хъ годовъ, безразлично къмъ бы онъ ни былъ представленъ, Петромъ-ли Струве или В. Ильинымъ (Ульяновымъ-Ленинымъ), при всемъ разнообразіи своихъ социально-политическихъ оттѣнковъ, характеренъ своимъ безсиліемъ выйти за предѣлы той идейной схемы, того построения, которыя были даны въ анализѣ экономической дѣйствительности и политическаго соотношенія силъ Россіи Плехановымъ уже въ 80-хъ годахъ. И еще достойно удивленія—концепція экономическаго развитія Россіи и расцѣпка ея общественныхъ элементовъ вышла, точно Минерва изъ головы Юпитера, изъ-подъ пера Плеханова въ его самыхъ же первыхъ марксистскихъ работахъ. Правда, эта „Минерва“ была еще своего рода черновикомъ, который не разъ перебѣлялся, дополнялся и развивался въ послѣдствіи, въ теченіе дальнѣйшихъ десятилѣтій плехановской дѣятельности; въ этомъ черновикѣ, однако, заключены уже были главнѣйшія мысли—иногда догадки, которыми Плехановъ обогатилъ познаніе Россіи. Это чрезвычайно характерная особенность плехановской революціи идей: ея одноударность...

Но не только эта большая, теоретически-творящая роль выдѣляетъ Плеханова изъ круга нашихъ „просвѣтителей“. Его отличаетъ отъ нихъ и та сложная практически-политическая работа, которая непосредственно вытекала изъ этихъ теоретическихъ предпосылокъ и которая въ окружающей Плеханова обстановкѣ нашла своеобразную среду для своего осуществленія. Въ противоположность Бѣлинскому, Чернышевскому, даже Н. К. Михайловскому — съ нимъ современному легальному „властителю думъ“ нелегальнаго народолюбства, — Плехановъ стоялъ со своими теоретическими тезисами непосредственно у входа въ огромное общественное движеніе и въ партійное организаціонное строительство, и всѣ эти тезисы его собственными усилиями и усилиями другихъ превращались въ фундаментъ для лозунговъ, директивъ, практическихъ плановъ. Онъ не только отецъ нашего русскаго марксистскаго теченія, но и основоположникъ російской социалдемократіи. Усложненная жизнь, превратившая былыя „направленія“ и „теченія“ въ опредѣленные политическія группировки, постоянно совлекала Плеханова съ высотъ наблюдателя—оцѣнщика и проповѣдника извѣстнаго міросозерцанія въ низины повседневной борьбы, практическаго очереднаго дѣйствія. И здѣсь ясный умъ Плеханова, широта его горизонта, теоретическая всесторонняя вооруженность помогали ему подымать эту практику вверхъ, преодолевая ея проклятыя, роковыя противорѣчія, продиктованныя ходомъ російской исторіи. Не всегда выходилъ Плехановъ побѣдителемъ изъ этихъ трудностей, часто трудности оказывались выше силъ даже и такого значительнаго человѣка, какимъ былъ Плехановъ; скажемъ болѣе—теоретическій

побѣдитель Плехановъ былъ, въ конечномъ счетѣ, побѣжденъ злою практикой жизни, но прежде, чѣмъ былъ побѣжденъ и палъ жертвой своего пораженія, онъ внесъ въ русскую общественность рядъ практическихъ положеній, заданій, которыя останутся навсегда памятникомъ его необыкновенной проницательности, несравненнаго сочетанія въ его натурѣ революціонности борца съ трезвостью глубокаго мыслителя... Можно сказать, съ момента ликвидаціи борьбы съ народничествомъ, т. е. съ конца 90-хъ и начала 900-хъ годовъ, начинается для Плеханова та полоса его жизни, въ которой сутолока партійной и общеполитической злобы дня отнимаетъ все большую и большую часть его силъ. Начинается вмѣстѣ съ тѣмъ и та трагедія его жизни, которая такъ рѣзко непохожа на его предыдущій побѣдно-воинственный путь неистоваго Роланда марксизма, разящаго супостатовъ-народниковъ, и которая, чѣмъ дальше развиваются событія, тѣмъ болѣе становится его крестнымъ путемъ, его подлинной и самой тяжелой Голгофой...

Правда, Плехановъ 900-хъ годовъ еще какъ бы продолжаетъ свою старую линію борьбы съ народничествомъ. Поле спора лишь слегка передвинулось и вмѣсто прежнихъ противниковъ передъ Плехановымъ очутился новый врагъ—такъ называемый ревизионизмъ въ марксизмѣ, въ лицѣ какъ бернштейнцевъ, т. е. своего нѣмецкаго оригинала, такъ и многочисленныхъ и разнокалиберныхъ копій нашего отечественнаго производства. И Плехановъ еще попрежнему оттачиваетъ остріе своей полемики и о катастрофически-быстро правящее творчество Петра Струве съ его единомышленниками, и о религиозно-философскія блужданія Луначарскаго, Богданова и прочей эмпирио-всяческой братіи. Но нервъ дѣятельности Плеханова лежитъ уже не здѣсь, и это чувствуется съ каждымъ годомъ все болѣе. Что дальше, то сильнѣе его вниманіе оттягивается, съ одной стороны, въ область чисто научныхъ изысканій, и мы знаемъ, что онъ усиленно работаетъ какъ надъ вопросами искусства, такъ и надъ исторіей русской общественной мысли. Съ другой—въ сферу практической политики. Не только большая, столбовая дорога этой политики, но и всѣ мелкіе, проселочные пути ея манятъ его въ свою сферу и заставляютъ по нимъ его ходить. Плехановъ въ своей работѣ раздваивается: его единая въ своемъ существѣ просвѣтительная дѣятельность перваго періода теперь дробится, и каждая изъ двухъ раздѣльныхъ частей конкурируетъ съ другой, мѣшаетъ другой. Плехановъ-практическій политикъ стоитъ поперекъ дороги Плеханову-ученому... Это было бы еще съ полгоря, если бы это всегда была политика, осуществляемая въ томъ крупномъ масштабѣ, который соотвѣтствовалъ бы давался исторіей лишь въ узловыя моменты развитія, въ періоды кризисовъ: онъ былъ данъ въ 1905 году; онъ повторился еще въ безконечно болѣе грандіозномъ охватѣ въ наши годы войны и революціи. Въ эти годы кризисовъ фигура Плеханова-политика выростала вровень событіямъ, и его умъ необы-

чайной остроты раздвоилъ завѣсу грядущаго и проникалъ туда, куда былъ не въ силахъ заглянуть взоръ обычнаго, даже и талантливаго профессионала практической политики. Плехановъ такимъ профессионаломъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, никогда не былъ. Жизнь, обстоятельства, партія, иногда собственная страсть борьбы, навязывали Плеханову эту роль, ему, въ сущности, несвойственную и дѣлавшуюся для него источникомъ мукъ. Ибо этотъ большой человѣкъ не зналъ колебаній въ крупномъ; не ошибался тамъ, гдѣ рѣчь шла о магистрали общественнаго развитія Россіи, имъ предусмотрѣннаго; гдѣ тактическіе—практически-политическіе выводы непосредственно зависѣли отъ направленія этой магистрали, гдѣ надо было брать на учетъ и расцѣпывать основныя движущія силы русской исторіи. Но онъ начиналъ колебаться, онъ дѣлалъ ошибки, онъ терялъ почву изъ-подъ ногъ въ томъ второстепенномъ, маломъ, мелочномъ, что представляла изъ себя партійно-политическая, часто кружковая обыденщина въ спертomъ воздухѣ русскаго царскаго режима или заграничной эмигрантской среды. Здѣсь онъ себя не находилъ, не находилъ и свое дарованіе. Здѣсь его умъ, привыкшій оперировать надъ совершенно иными величинами, терялся въ хаосѣ дѣлъ, комбинацій, пріемовъ, экспериментовъ, для разбора которыхъ потребенъ былъ микроскопъ гистолога, а не орлиный взоръ—телескопъ, прорѣзающій даль... Здѣсь онъ шель часто ложными путями—расходился и вновь сходилъ съ большевиками и видѣлъ враговъ въ „ликвидаторахъ“— вмѣсто того, чтобы распознать въ нихъ друзей... Но стоило стать на очередь дня дѣйствительно большимъ вопросамъ, дѣйствительно большой россійской политикѣ, достаточно было задуть вѣтру общественной бури и явиться реальной опасности бытію государства россійскаго, чтобы Плехановъ немедленно отрясалъ съ себя пыль партійно-кружковой обыденщины, и вновь звучала несравненная музыка его политическаго дарованія, и его умъ, анализируя событія, совершалъ свое безошибочное дѣло и шель своимъ неотразимо-вѣрнымъ путемъ...

Въ непогоду войны и революціи Плехановъ говорилъ объ общенациональной работѣ государственнаго строительства. Плехановъ говорилъ о защитѣ страны отъ врага, угрожающаго ея независимости. Онъ говорилъ то, что было естественнымъ резюме его жизни, итогомъ, кульминаціонной точкой всей его дѣятельности. Никогда Плехановъ не былъ такъ великъ, никогда Плехановъ не доказалъ въ такой степени своего политическаго ясновидѣнія, какъ въ эти страшные, отвѣтственные дни... И никогда онъ не былъ такимъ одинокимъ, непризнаннымъ, отвергнутымъ тѣми людьми, которые въ теченіе долгихъ лѣтъ, даже десятилѣтій, шли за нимъ, какъ за своимъ вождемъ и учителемъ... Именно въ эти дни войны и революціи, казалось бы, Плехановъ долженъ былъ бы собрать жатву всей своей жизни—оцѣнку со стороны націи и прежде всего любовь со стороны того самого рабочаго класса, которому онъ, какъ никто, указалъ его историческое мѣсто въ процессѣ осво-

божденія Россіи изъ-подъ гнета царизма. И однако, вмѣсто триумфа—положеніе изгоя, зачумленного, ненавидимаго даже своими вчерашними единомышленниками...

Мы подходимъ къ роковой чертѣ въ исторіи Плеханова. Передъ нами уже не относительно мелкая, хотя и тягостная драма, драма теоретика-политическаго мыслителя, пожелавшаго спуститься съ вершинъ общихъ вопросовъ въ долину повседневной партійно-организаціонно-тактической толчеи и запутавшагося въ ея многочисленныхъ узлахъ и развѣтвленіяхъ... Нѣтъ, передъ нами развертывается подлинно-страшная трагедія жизнѣдѣтельности одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, трагедія величайшаго изъ идеологовъ европеизаціи Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, если можно такъ выразиться, трагедія и самого процесса этой европеизаціи...

Когда Плехановъ выходилъ въ путь-дорогу и начиналъ свой подвигъ революціонизированія русской общественной мысли, онъ ясно различалъ направленіе движенія, онъ правильно оцѣнивалъ совершившіяся въ русской общественности глубочайшія перемѣны, радикальные сдвиги, онъ вѣрно указалъ на роль cadaго изъ классовъ въ этомъ переворотѣ, совершаемомъ капиталистическимъ развитіемъ. Но онъ невольно сдѣлалъ ту же самую ошибку, которую сдѣлалъ въ свое время и Марксъ, которую, должно быть, свойственно дѣлать и вообще крупнымъ людямъ, видящимъ вдаль настолько хорошо, что эта даль имъ представляется близкой, и они изъ-за своей дальновидности склонны недооцѣнивать то, что близко лежитъ или что перешло изъ прошлаго, инерцію жизни, того мертваго, который, по французской поговоркѣ, хватаетъ живого... Вотъ этотъ-то мертвецъ и далъ себя знать Плеханову и съ нимъ вмѣстѣ всему процессу европеизаціи Россіи, какъ только русскія, болѣе или менѣе абстрактныя, направленія мысли стали конкретизироваться въ опредѣленные политическія партіи, за которыми начали формироваться опредѣленные же общественныя группировки... Тогда и получился неожиданный реваншъ мертвеца, оказавшагося—увы!—чрезвычайно живучимъ. Да, конечно, капитализмъ развивается, но онъ развивается еще въ обстановкѣ той общественно-политической отсталости, при которой, на первыхъ порахъ, даже и основныя категоріи капиталистическаго порядка пріобрѣтаютъ особый, не капитализму присущій характеръ.

Уже съ первыхъ годовъ 20-го вѣка далъ себя почувствовать этотъ реваншъ, лишь только затихла битва марксизма съ народничествомъ, и марксизмъ собрался отпраздновать свое торжество надъ побѣжденнымъ противникомъ. Но на первыхъ порахъ это проникновеніе старыхъ мотивовъ народничества въ марксизмъ,—кровное дѣтище европейскаго движенія рабочаго класса,—казалось не имѣющимъ серьезнаго значенія и скоропреходящимъ явленіемъ. Не дооцѣнилъ его и Плехановъ. И только горькій опытъ міровой войны и двухъ революцій показалъ всю почвенность этой реакціи русской самобытности противъ вліянія передовой демократической Европы... Реакція

эта обрушилась на насъ съ тѣмъ большею силой, что мировая война не только выявила ее на своемъ опытѣ, но и въ колоссальной мѣрѣ усилила. Плехановъ и палъ жертвой этой реакціи. Его тридцатипятилѣтняя работа, казалось, сведена на нѣтъ, уничтожена параксизмомъ азіатчины... Той азіатчины, которую тотъ же Плехановъ, какъ никто, запечатлѣлъ въ своей „Исторіи общественной мысли Россіи“.

По Плеханову, исторія Россіи есть своеобразное сочетаніе условій развитія, европейскихъ и азіатскихъ, и медленное, съ трудомъ дающееся Россіи преодолѣніе своей Азіи русской Европой... Эта концепція историческаго развитія Россіи, разработанная въ его послѣдней, къ сожалѣнію, не завершенной работѣ, есть, быть можетъ, самое замѣчательное изъ всѣхъ завоеваній мысли, совершенныхъ Плехановымъ. И эта же концепція помогаетъ намъ и въ данномъ случаѣ понять трагедію Плеханова: трагедію русской европеизаціи.

Въ результатъ всероссійской разрухи на насъ нахлынулъ шквалъ азіатчины. Онъ смыслъ Плеханова. Но онъ не смыслъ Россіи. За реваншемъ Азіи придетъ встрѣчный ударъ Европы и выпрямитъ опять дорогу російскаго прогресса, и возстановитъ разрушенное дѣло Плеханова... Трагедія Плеханова еще будетъ имѣть свой посмертный финалъ...

Въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ я говорилъ лишь объ общественно-политическомъ значеніи Плеханова въ русской общественности. Но я совершенно не коснулся Плеханова-теоретика. Плеханова, трудившагося надъ дальнѣйшей разработкой ученія Маркса и внесшаго, какъ, быть можетъ, ни одинъ изъ учениковъ и продолжателей великаго европейскаго социализма, чрезвычайно много новаго и плодотворнаго въ изученіе вопроса о такъ называемыхъ „идеологіяхъ“. Я не коснулся и многихъ другихъ сторонъ блестящей личности великаго писателя: его рѣдкаго ораторскаго дарованія, его таланта мемуариста, который онъ не успѣлъ использовать; его необыкновенной эрудиціи въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ научнаго знанія...

Я не смогъ дать понять читателю того неисчерпаемаго богатства мыслей, которымъ обладалъ Плехановъ и изъ котораго онъ успѣлъ удѣлить лишь сравнительно незначительную часть...

Плехановъ умеръ на 62-мъ году. Онъ далъ много, безконечно много, не только русской гражданственности, но и всему мировому социалистическому движенію, наконецъ, наукѣ общественно-вѣдѣнія. Но про него меньше, чѣмъ про кого-либо другого, можно сказать, что онъ далъ все, что могъ, что онъ себя исчерпалъ... Нѣтъ. Плехановъ унесъ съ собою въ могилу цѣлый міръ неосуществленныхъ возможностей. Онъ умеръ безвременно, какъ жертва катастрофы, которая постигла Россію. Онъ не далъ и сотой доли того, что въ состояніи былъ дать при своей исключительной одаренности, своемъ огромномъ умѣ и своей чрезвычайной работоспособности...

А. Потресовъ.